

<https://doi.org/10.34680/vistheo-2023-5-1-93-105>



## Религиозные практики и храмовое пространство в современной России

Д. И. Антонов 

Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации,  
Российский государственный гуманитарный университет  
Москва, Российская Федерация  
[antonov-dmitriy@list.ru](mailto:antonov-dmitriy@list.ru)

### Для цитирования:

Антонов Д. И. Религиозные практики и храмовое пространство в современной России // Визуальная теология. 2023. Т. 5. № 1. С. 93–105. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2023-5-1-93-105>

**Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные тенденции в формировании храмового пространства в постсоветской России. В фокусе внимания – религиозные практики, которые оказывают влияние на наполнение церковью символически значимыми объектами – реликвиями, вотивными дарами, ктиторскими иконами, записками и т. п. Эти предметы выстраивают пространство храма как пространство коммуникации со святыми и формируют среду, в которой прихожане и паломники наглядно видят каналы и средства этой коммуникации. Некоторые практики осуществляются прежде всего духовенством – это собирание реликвий, святых мощей и брандеа, заказ различных реликвариев для хранения как уже приобретённых, так и (зачастую) ещё только запланированных к приобретению святынь. Собирание реликвий позволяет выстраивать свою «топографию святости» в каждой церкви, позиционировать уникальность своего храма в приходе и на церковном сайте. Другие практики осуществляют прежде всего прихожане и паломники – это принесение вотивных даров, записок, а также ктиторских икон, иногда с донаторскими надписями. Аффордансами для таких действий могут служить различные предметы, появляющиеся в храмовом пространстве. Прежде всего, это деревянные киоты, закрытые стеклами, – ниши, в которых удобно и безопасно размещать дары. Кроме того, это «регулярные» дары – украшения, размещаемые на иконах духовенством (как правило, наперсные кресты и панагии). Наконец, ту же роль играют сами записки, привесы и ктиторские иконы – наличие дара служит приглашением сделать аналогичное действие и принести записку / одарить икону драгоценностью / заказать новую икону, связанную с личной или семейной историей (просьбой, потребностью). В результате развития таких практик храмовое пространство в России активно развивается, трансформируется, формируется на новых основаниях. Для реликвий создают мощевики разных форм; частицы мощей интегрируют в иконы и кресты, превращая их в реликварии; для икон заказывают массивные киоты, в которых можно разместить множество вотивных привесов и т. п. Эти процессы порой мало заметны, но их роль в актуальной церковной традиции крайне велика.

© Антонов Д. И., 2023

**Ключевые слова:** религиозные практики, реликвии, вотивы, церковное пространство, материальная религия.

**Финансирование:** статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

---

## Religious practices and church space in modern Russia

Dmitriy I. Antonov 

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,  
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation  
antonov-dmitriy@list.ru

**For citation:**

Antonov D. I. Religious practices and church space in modern Russia. *Journal of Visual Theology*. 2023. Vol. 5. 1. Pp. 93–105. <https://doi.org/10.34680/vistheo-2023-5-1-93-105>

**Abstract.** The article discusses current trends in the formation of the church space in post-Soviet Russia. The author focuses on religious practices that result in the presence of symbolically significant objects – relics, votive gifts, donators’ icons, notes, etc., – in churches. These objects build the space of the church as a space of communication with the saints; they form an environment in which parishioners and pilgrims clearly see the channels and means of this communication. Some practices are carried out primarily by the clergy – such as collections of relics and brandea or ordering various reliquaries for keeping sacred objects which the church is either already having or planning to obtain. Collecting relics allows clergy to build the “topography of holiness” in the church, to present the uniqueness of the church in the parish and on the church website. Other practices are carried out primarily by parishioners and pilgrims – this is the bringing of votive gifts, notes, and donators’ icons (sometimes with inscriptions). Various objects that appear in the temple space can serve as affordances for such actions. First, these are wooden icon-cases covered with glass – ‘niches’ in which it is convenient and safe to place gifts. Secondly, these are ‘regular’ gifts – decorations placed on icons by the clergy (as a rule, pectoral crosses and panagia). Finally, the same role is played by the notes, the gifts, and the curatorial icons themselves – the presence of the gift serves as an invitation to do a similar action and bring a note / a jewelry or to order a new icon related to personal or family story (request, need). As a result of such practices, the church space in Russia is actively developing. Reliquaries of various forms are being created; relics are integrated into icons and crosses, turning them into reliquaries; massive icon-cases are ordered for icons, convenient for placing a lot of votive gifts, etc. These processes are sometimes hardly noticeable, but their role in the current church tradition is undoubtedly significant.

**Keywords:** religious practices, relics, ex-voto, church space, material religion.

**Funding:** the article is a part of the RANEPА state assignment research program.

После крушения СССР на постсоветском пространстве параллельно с повсеместным воссозданием храмов, монастырей и строительством новых церковных зданий началось активное (ре)конструирование религиозных практик – как традиционных, которые существовали в начале XX века, так и новых, модернизированных, адаптированных под технические и социальные реалии эпохи. Многие из них оказывались в фокусе внимания исследователей, прежде всего – паломнический туризм («православный номадизм»), особенности монастырской и приходской жизни, практики апроприации силы сакральных объектов [см.: Агаджанян, Русселе 2011; Кормина 2019; Дубовка 2020; Антонов 2021; Мороз, Семиврагова 2021; Антонов 2022 а; Антонов, Тюнина 2022; Доронин, Завьялова 2022 и др.]; другие гораздо реже привлекают внимание. Замечательно, что многие из этих практик оказывают непосредственное влияние на церковное пространство как в реконструируемых, так и в отстраиваемых церквях. В последние десятилетия это пространство динамично меняется и переформатируется под влиянием многих неочевидных факторов.

В этой статье я хочу поговорить об актуальных тенденциях в организации храмового пространства в России 1990-х – 2020-х гг. Речь пойдёт не об архитектурных и декоративных особенностях, но о той среде, которая формируется благодаря религиозным практикам, в контексте их развития. Это пространство формируется объектами, многие из которых сами носители традиции наделяют агентностью (иконы, мощи, реликвии). Другие объекты, как votivные дары или записки святым, не наделяются такими характеристиками, однако они безусловно являются акторами этого поля и формируют (пользуясь метафорикой Бруно Латура и Джона Ло) сети, которые организуют пространство храма как пространство коммуникации со святыми. Подобные объекты позволяют наглядно увидеть способы и каналы этой коммуникации и тем самым играют роль аффордансов, приглашая прихожан или паломников совершать аналогичные действия для достижения своих целей.

С 1990-х и до 2020-х гг. можно выделить три условных этапа в развитии возрождаемых храмов (разумеется, в каждой церкви они могли происходить в разные годы). На первом этапе интерьер зданий, возвращённых Церкви, восстанавливали как литургическое пространство. Здание освящали, организовывали алтарную часть (престол с антиминсом, жертвенник), отделяли её иконостасом. Иконы для храма зачастую приносили и священники, и прихожане. Эти образы были очень разными по стилистике, размеру, материалу; их нередко ставили на окна или стулья, из них же могли составлять временные иконостасы.

Для этого этапа, помимо эклектичности оформления, характерно активное проникновение в храмовое пространство икон-киоток, создававшихся мастерами-«образовниками», кустарями, работавшими на дому в советские десятилетия. О советских иконах, их генезисе, развитии, морфологии, ролях, региональных особенностях и т. п. можно прочитать в серии публикаций и двух книгах, изданных мной и коллегами в 2021–2022 гг. [Антонов 2022 б; Антонов, Доронин 2022 а; Антонов, Доронин 2022 б и др.]. Не углубляясь здесь в эту тему, замечу только, что в 1990-е годы, с массовым открытием церквей, домашние киотки не только развешивали на стены, но и формировали из них иконостасы. Однако продолжалось это недолго: производство софринских икон в 1990-х гг. быстро набирало обороты,

и поток печатных образов заполонил церкви. Параллельно открывались иконописные школы, многие художники осваивали ремесло иконописцев. Постепенно каждый храм, которому удавалось аккумулировать финансовые ресурсы, начал приобретать новые иконы и храмовый декор. Всё это приводило к вытеснению советских икон из церковного пространства. Небольшие образа, украшенные фольгой, на церковных стенах зрительно оказывались мелкими, рядом с писаными иконами смотрелись пёстро и аляповато, а по соседству с настоящими металлическими окладами их фольжный декор мог выглядеть как дешёвая поделка. Статус деревянных киоток падал, их убрали в притворы, подсобные помещения и на склады. Сегодня в храмовом пространстве советские иконы встречаются реже, чем в 2000-е, хотя в некоторых сельских церквях их по-прежнему можно увидеть и на стенах, и в иконостасах<sup>1</sup>.

Второй этап связан с оформлением и эстетическим выстраиванием храмового интерьера. Когда в приходе появлялись средства, церковное пространство начинали унифицировать и украшать: создавали иконостас по разработанному и согласованному проекту, заказывали росписи стен, новые единообразные иконы и киоты для них. Массовый запрос вызвал к жизни активное развитие иконописи и монументальной живописи, привёл к формированию школ, артелей и мастерских. Церкви украшались и обретали современный вид. Массово в России это происходило в 2000-е гг.

Наконец, на третьем этапе интерьеры храмов стали активно наполнять святынями. Это не только возврат реликвий, утраченных в советские годы (если они не были возвращены при открытии церкви). В 2010-е гг. храмы начали активно приобретать фрагменты мощей и брандея – контактные святыни. Для них либо создают особые ковчеги, либо интегрируют их прямо в иконы, помещая в небольшой металлический медальон-дарохранительницу – его инкрустируют в иконные доски так, чтобы к мощам можно было приложиться. Медальон, вставленный в образ, как правило, имеет стекло в центральной части, что позволяет увидеть внутреннее пространство, в котором помещена частица мощей.

Собирание реликвий быстро превращает церкви в храмы-реликварию с десятками святых мощей и брандея, о чём с охотой рассказывают служители и прихожане. Церкви выстраивают свою иеротопию – пространство священного, пространство святынь. «Топография реликвий» становится уникальной в каждом храме. При этом важную роль играет позиционирование святынь на церковном сайте: так, в московской церкви Георгия Победоносца в Старых Лучниках, как сообщает сайт, хранится 12 икон-мощевиков, ковчеги с мощами 27 святых, частица Креста Господня и две чудотворные иконы<sup>2</sup>. На сайте храма Бориса и Глеба в Боровске перечень реликвий выглядит таким образом:

- Частица мощей св. Иоанна Предтечи;
- Металлический кенотаф для хранения частиц мощей свв. князей Бориса и Глеба;
- Мощи, икона преп. Сергия Радонежского;

<sup>1</sup> В экспедициях на нижегородском юго-западе мы встречали их в целом ряде храмов – к примеру, в Троицкой церкви в с. Тёплого, в Знаменском соборе г. Ардатова, в Знаменской церкви в с. Ломовка, в церкви Михаила Архангела в с. Туркуши и др.

<sup>2</sup> См. информацию на сайте храма: <https://hramvluchnikah.ru/about/>.

- Подризник св. Алексия Мечёва;
- Мощи св. праведницы Матронушки;
- Мощи преп. Нила Столобенского;
- Мощи св. Симеона Верхотурского;
- Ковчег с мощами десяти московских святых;
- Калужская икона Божией Матери;
- Иверская икона Божией Матери;
- Камень из пещеры Вифлеемских младенцев;
- Ковчег со святынями;
- Икона Пресвятой Троицы;
- Распятие Иисуса Христа и Пресвятая Божия Мать Дева Мария;
- Металлический крест с предстоящими;
- Икона Иисуса Христа – Вседержителя;
- Мощи, икона великомученика Димитрия Солунского;
- Мощи, икона препп. Кирилла и Марии, родителей преп. Сергия Радонежского;
- Мощи, икона преп. Серафима Саровского;
- Мощи, икона новомученика Сергия Правдолюбова<sup>3</sup>.

Прагматика такого собрания не единообразна. Иногда это делается с целью привлечения людей в монастырь или церковный приход. К примеру, в разрушенном в 1923 г. и воссозданном Никольском монастыре Переславля-Залесского главная новая святыня, крест-мощевик, изображена на огромных постерах, которые висят в городе, призывая в монастырь паломников и туристов; это выделяет Никольскую обитель на фоне других монастырей Переславля, не разрушавшихся и сохранивших / вернувших древние реликвии, – Никитского, Фёдоровского, Свято-Троицкого Данилова. Однако зачастую собрание мощей и брандея – самодостаточное действие, ориентированное не столько на паломников, сколько на приход. И в устных рассказах служителей, и в текстах, публикующихся в Интернете, на церковных сайтах, это помогает конструировать индивидуальный облик храма: прихожане и клирики стремятся превратить свой храм в святое пространство, полное оригинальных реликвий. Сам процесс могут описывать как «усиление» благодати, как обретение особого заступничества всё новых святых, либо просто как благочестивую практику, которая не имеет никакой специфической цели.

Ещё одна важнейшая религиозная практика, которая формирует пространство храма, наполняя его множеством различных объектов, связана с деятельностью уже не столько духовенства (как собрание реликвий), сколько прихожан. Это обетные приношения, votивные дары. Особенности этой динамично возрождающейся практики, типы современных даров, практики их модерирования, связанные с ними нарративы я описывал в серии публикаций 2022–2023 гг. [Майзульс и др. 2022, 296–340; Антонов 2023 а, 28–31; Антонов 2023 б; Антонов, Завьялова 2023, 31–35]<sup>4</sup>. Здесь нужно отметить лишь несколько моментов.

<sup>3</sup> <https://borovsk.org/hramborisagleba/>.

<sup>4</sup> О русской votивной традиции см. также: Панченко 1998, 84–102; Щепанская 2003; Кремлева 2010; Цеханская 2013, 169–192.

Во-первых, на возрождение вотивной практики оказало влияние массовое распространение в российских храмах деревянных киотов, закрытых стёклами. В 2010-е гг. иконы оказались убранны в закрытые ниши – это стало аффордансом для принесения дара и для его наглядного размещения под стеклом, без опасности немедленного воровства (ср. о подобной стратегии на материале европейских «запертых садов»: Vaert 2018, 104–127; Vaert et al. 2017, 33–47). В 2010-е гг. храмы стали стремительно наполняться дарами – чаще всего украшениями и нательными крестиками, но также и более редкими и экзотичными предметами – от серебряных ложечек до антикварных монет (ил. 1).



Ил. 1. Дары под стеклом киота Иверской иконы Богоматери. Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский монастырь. Фото: Д. Антонов, 2022.

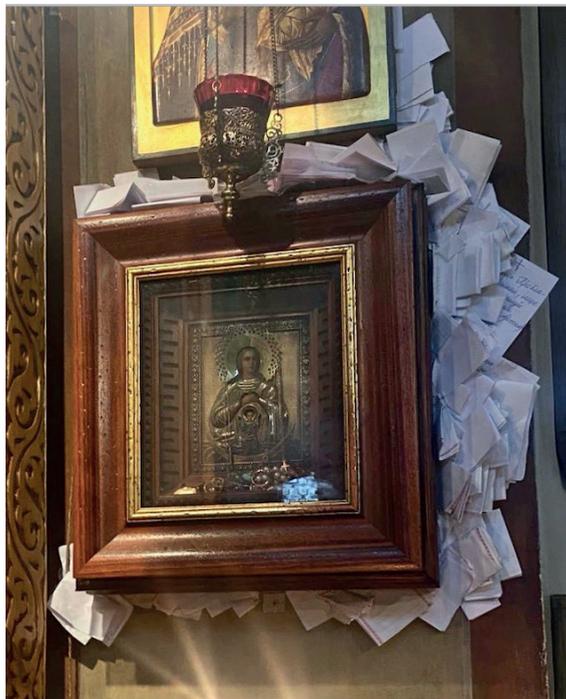
Во-вторых, сами дары делятся на регулярные и экстраординарные. Вторые относятся к классическим вотивам – приношениям с просьбой о помощи или в благодарность за помощь. Первые ближе к украшению икон. Это привесы, которые делают вне кризисной ситуации, с желанием одарить любимую икону, в надежде на будущую потенциальную помощь и т. п. Так, в церкви Бориса и Глеба в Боровске практически на каждой недавно написанной / приобретённой иконе под стекло киота на цепочке размещают наперсные священнические кресты. Настоятель храма говорит об этом как о «даре» иконам, но это дар регулярный и унифицированный, который воспринимается уже как органичный элемент церковного благочестия и украшения образов (наравне с киотом, цветами и т. п.). Это действие, в свою очередь, становится катализатором для классической вотивной практики. В некоторых церквях, включая ту же Борисоглебскую, я наблюдал, как в течение года после размещения таких привесов цепочки обрастали дарами, которые приносили уже сами прихожане (ил. 2).



Ил. 2. Дары в киоте иконы Богоматери Семистрельной. В центре – наперсный крест. Рождества Богородицы Свято-Пафнутьев Боровский монастырь. Фото: Д. Антонов, 2022.

В-третьих, вотивные дары иногда совмещаются с близкой коммуникативной практикой – принесением записок святому. Прагматика записки аналогична: это либо просьба, либо благодарность за оказанную помощь. Фактически, это текстовый вотив, а вотивы такого рода, как известно, были широко распространены в христианском мире уже со Средневековья. Текст-благодарность часто выполняли из драгоценных материалов, совмещая вербальное сообщение с материальным даром. К примеру, Василий Шуйский в начале XVII в. пожертвовал иконе Николы Зарайского в Троице-Сергиевом монастыре золотую ризу и золотую же дощечку с текстом-благодарностью за помощь в освобождении Москвы «от воровских людей» [Цеханская 2013, 180]. В советские десятилетия записки приносили чаще всего к могилам почитаемых праведников. В ситуации закрытых храмов и гонений эта практика, наравне с принесением материальных вотивов, сохранялась и активно поддерживалась в сельской местности – у часовен, крестов, могил и других почитаемых объектов [см., напр.: Мороз 2017, 149–151]; с 1990-х гг. она стала возвращаться в открытые храмы. Однако записки гораздо реже проникают в церковное пространство: если материальные дары стали вездесущими, записки встречаются в редких церквях. Духовенство далеко не всегда одобряет это или смотрит на происходящее снисходительно: как правило, «письма Богу» осуждают. В этом случае записки начинают подсовывать под стекла киотов незаметно, либо же прячут их около почитаемых икон и мощевиков, засовывая в щели, под

столы и проч.<sup>5</sup> Однако если настоятель поощряет такую практику, почитаемая икона может обрасти записками (ил. 3), как другие образы обрастают материальными дарами.



Ил. 3. Записки вокруг киота Богородичной иконы «Помощница в родах». Храм Спаса Преображения на Болвановке. Фото: Д. Антонов, 2022.

Самый яркий пример многообразия вотивных практик из известных мне на сегодняшний день – московский храм Илии Пророка в Черкизово. Дары – украшения, нательные крестики, медальоны и проч. – развешены здесь на 42 иконах из 64, выставленных в церкви<sup>6</sup>. Около церкви находится почитаемая могила юродивого Ивана Яковлевича Корейши [см.: Мороз 2012, 9–12]; на церковном кладбище – ещё два почитаемых захоронения инокинь. Записки несут на могилу юродивого уже не первое десятилетие и, несмотря на неодобрение духовенством этой практики, активно рассовывают в щели вокруг захоронения и опускают в ящики для пожертвований. В последние годы записки начали просовывать и в киоты некоторых икон в самом храме, где они незаметно соседствуют с материальными дарами.

Ещё одна воскресшая в последние годы религиозная практика – создание кти-торских икон с указанием имён дарителей. Яркий пример – иконы упомянутого Борисоглебского храма города Боровска, о которых я писал в отдельной статье

<sup>5</sup> Это происходит, к примеру, в московском храме Святителя Николая в Кузнецкой слободе.

<sup>6</sup> Последние наблюдения проводились в ноябре 2022 г.

[Антонов 2020]. Целая серия крупных пристенных образов имеет здесь вкладные подписи. Не только текст, но и иконография некоторых икон чётко отражает обстоятельства, при которых они были заказаны: так, в 2010 году во здравие младенца семья пожертвовала в церковь четырёхчастную икону с Богородичными образами «В родах помощница», «Млекопитательница», «Взыграние младенца» и «Воспитание», а в память об убитом в храм вложили аналогичную по форме икону с образами Богоматери «Семистрельная», «Утоли моя печали», «Взыскание погибших» и «Отрада и утешение». Хотя события, которые провоцируют такие вклады, совершенно разные, от трагических до радостных, все образы написаны в общем стиле и единообразны по размеру (хотя их создают не в местной церковной мастерской). В храме для них заказывают одинаковые киоты, на цепочки к ним подвешены единообразные кресты. Частные вклады становятся гармоничными элементами общего церковного пространства.



Ил. 4. Подсвеченный киот с отпечатком иконы «Всех скорбящих радость» в церкви св. Николая Мирликийского в Отрадном (Москва). Фото: Д. Антонов, 2022.

Наконец, с 1990-х гг. в российских церквях возникают и новые типы почитаемых объектов. Самый распространенный пример – отпечаток на стекле, которое закрывало киот иконы, не прикасаясь к красочному слою [Антонов 2021, 17–24; Антонов, Доронин 2021]. Образы, возникающие на стеклах и стенах, описывали

и раньше, как минимум с 1920-х гг., но они не привлекали широкого внимания. Ситуацию изменил прецедент в Киеве. В 1993 г. во Введенском монастыре на стекле киота Богородичной иконы «Призри на смирение» обнаружили её отпечаток. Монастырские власти заказали экспертизу, доказавшую, что образ не написан красками. Об иконе сняли фильм. Украинская Православная церковь официально признала событие чудом, отпечаток разместили в монастырском храме как самостоятельную святыню и начали почитать как нерукотворный образ. Вслед за этим отпечатки начали обнаруживать во множестве церквей на постсоветском пространстве (а иногда и в других странах, к примеру, в Израиле). Некоторые священники скептически или нейтрально относятся к таким стёклам – их не снимают и не помещают на отдельное место в храме. В других церквях образы оказываются в центре внимания, их подробно описывают на церковных сайтах и в социальных сетях. В московском храме Св. Николая Мирликийского в Отрадном отпечаток Богородичной иконы «Всех скорбящих радость», обнаруженный в 2015 г., поместили в специально созданный стеклянный киот с электрической подсветкой и синим фоном – это позволяет лучше разглядеть отобразившийся силуэт (ил. 4).

\* \* \*

Многообразие религиозных практик, динамично развивающихся на постсоветском пространстве, часто приводит к оформлению, декорированию, сложной организации почитаемых объектов и природных локусов (родников, крестов, часовен и проч.) – вплоть до возникновения вокруг них развёрнутой паломнической / туристической инфраструктуры. Эти процессы легко заметны. Изменения, происходящие в храмовом интерьере, менее очевидны, но не менее разнообразны. Вотивные, коммуникативные, апроприативные религиозные практики множеством нитей связаны со структурированием и наполнением церковного пространства исходя из целей и способов его использования. Исследование этого аспекта не менее важно, чем анализ социальных взаимодействий, которые гораздо чаще оказываются в фокусе исследовательского внимания.

### Библиография

- Агаджанян, Русселе 2011 – Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. Москва, 2011.
- Антонов 2020 – Антонов Д. И. Иконы и мощевики: об актуальных тенденциях конструирования храмового пространства в современной России // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 3. С. 102–114.
- Антонов 2021 – Антонов Д. И. Апроприация силы: незримое «тело» святыни в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3. С. 7–25.
- Антонов 2022 а – Антонов Д. И. Колодцы и печи: ритуализированная утилизация освящённых предметов в постсоветской православной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 2. С. 30–43.
- Антонов 2022 б – Антонов Д. И. Советские иконы как исследовательский проект // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 155–164.
- Антонов 2023 а – Антонов Д. И. Вотивные дары в постсоветской России // Живая старина. 2023. № 1. С. 28–31.

- Антонов 2023 б – Антонов Д. И. Вотивные дары в современной России: религиозная практика в динамике её развития // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 10–31.
- Антонов, Доронин 2021 – Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Отпечаток на стекле: контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3 (39). С. 209–243.
- Антонов, Доронин 2022 а – Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Иконы советской эпохи: лики традиции. Москва, 2022.
- Антонов, Доронин 2022 б – Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. Москва, 2022.
- Антонов, Завьялова 2023 – Антонов Д. И., Завьялова А. И. «Мы не засекали, сколько золотишка»: актуальные нарративы о вотивных дарах // Живая старина. 2023. № 1. С. 31–35.
- Антонов, Тюнина 2022 – Антонов Д. И., Тюнина С. М. Утилизация освящённых предметов: тексты и комментарии // Живая старина. 2022. № 1, С. 24–29.
- Доронин, Завьялова 2022 – Доронин Д. Ю., Завьялова А. И. Келья, могилка, храм: распространение и апроприация благодати в топографии дунюшкиной святыни // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 4. С. 110–141.
- Дубовка 2020 – Дубовка Д. Г. В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности. Санкт-Петербург, 2020.
- Кормина 2019 – Кормина Ж. В. Паломники: этнографические очерки православного номадизма. Москва, 2019.
- Кремлева 2010 – Кремлева И. А. Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святыни и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование. Москва, 2010. С. 241–284.
- Майзульс и др. 2022 – Майзульс М. Р., Зотов С. О., Антонов Д. И. Восковые ноги и железные глаза: вотивные практики от Средневековья до наших дней. Москва, 2022.
- Мороз 2014 – Мороз А. Б. Почитание могилы Ивана Яковлевича Корейши в Москве // Живая старина. 2014. № 1. С. 9–12.
- Мороз 2017 – Мороз А. Б. Народная агиография: устные и книжные основы фольклорного культа святых. Москва, 2017.
- Мороз, Семиврагова 2021 – Мороз А. Б., Семиврагова Э. Животворящий крест в с. Годеново: между двух сакральных центров и за их пределами // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39 (3). С. 7–43.
- Панченко 1998 – Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. Москва, 1998.
- Цеханская 2013 – Цеханская К. В. Почитание православных святынь в России. Москва, 2013.
- Щепанская 1995 – Щепанская Т. Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. Санкт-Петербург, 1995. С. 110–176.
- Baert 2018 – Baert B. Art and Mysticism as Horticulture. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries in an Interdisciplinary Perspective. *Art and Mysticism: Interfaces in the Medieval and Modern Periods*. Ed. by H. Appleton and L. Nelstrop. New York, 2018. Pp. 104–127.
- Baert et al. 2017 – Baert B., Iterbeke H., Watteeuw L. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries: Mixed Media, Remnant Art, Récyclage and Gender in the Low Countries (Sixteenth Century Onwards). *The Agency of Things in Medieval and Early Modern Art. Materials, Power and Manipulation*. Ed. by G. Jurkowlaniec, I. Matyjaszkiewicz, Z. Sarnecka. New York, 2017. Pp. 33–47.

## References

- Agajanian, Rousselet 2011 – Parish and Community in Modern Orthodoxy: The Root System of Russian Religiosity. Ed. by A. Agajanian, K. Rousselet. Moscow, 2011. In Russian.
- Antonov 2020 – Antonov D. I. Icons and Reliquaries. On Current Trends in Constructing of the Church Space in Russia. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2020. 3. Pp. 102–114. In Russian.
- Antonov 2021 – Antonov D. I. Appropriation of Power: The Invisible "Body" of the Shrine in Christian Traditions. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2021. 3. Pp. 7–25. In Russian.
- Antonov 2022 a – Antonov D. I. Wells and Furnaces. Ritualized Disposal of Sacred Objects in Post-Soviet Orthodox Tradition. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2022. 2. Pp. 30–43. In Russian.
- Antonov 2022 b – Antonov D. I. Soviet Icons as a Research Project. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2022. 9. Pp. 155–164. In Russian.
- Antonov 2023 a – Antonov D. I. Votive Gifts in Post-Soviet Russia. *Zhivaya Starina*. 2023. 1. Pp. 28–31. In Russian.
- Antonov 2023 b – Antonov D. Votive Gifts in Modern Russia: Religious Practice in the Dynamics of its Development. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2023. 2. Pp. 10–31. In Russian.
- Antonov, Doronin 2021 – Antonov D. I., Doronin D. Yu.. The Imprints on Glass: The Contact Relics in Post-Soviet Countries. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2021. 3. Pp. 209–243. In Russian.
- Antonov, Doronin 2022 a – Antonov D. I., Doronin D. Yu. Icons of Soviet Era: Faces of Tradition. Moscow, 2022. In Russian.
- Antonov, Doronin 2022 b – Antonov D. I., Doronin D. Yu. Soviet Icons: History and Ethnography of the Nizhny Novgorod Tradition. Moscow, 2022. In Russian.
- Antonov, Tyunina 2022 – Antonov D. I., Tyunina S. M. Utilization of Consecrated Objects: Texts and Comments. *Zhivaya Starina*. 2022. 1. Pp. 24–29. In Russian.
- Antonov, Zavyalova 2023 – Antonov D. I., Zavyalva A. I. "We Did Not Detect How Much Gold": Actual Narratives About Votive Gifts. *Zhivaya Starina*. 2023. 1. Pp. 31–35. In Russian.
- Baert 2018 – Baert B. Art and Mysticism as Horticulture. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries in an Interdisciplinary Perspective. *Art and Mysticism: Interfaces in the Medieval and Modern Periods*. Ed. by H. Appleton and L. Nelstrop. New York, 2018. Pp. 104–127.
- Baert et al. 2017 – Baert B., Iterbeke H., Watteeuw L. Late Medieval Enclosed Gardens of the Low Countries: Mixed Media, Remnant Art, Récyclage and Gender in the Low Countries (Sixteenth Century Onwards). *The Agency of Things in Medieval and Early Modern Art. Materials, Power and Manipulation*. Ed. by G. Jurkowlanec, I. Matyjaszkiewicz, Z. Sarnecka. New York, 2017. Pp. 33–47.
- Doronin, Zavyalova 2022 – Doronin D. Yu., Zavyalova A. I. Cell, Grave, Temple: The Spread and Appropriation of Grace in the Topography of Dunyushka's Shrine. *RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2022. 4. Pp. 110–141. In Russian.
- Dubovka 2020 – Dubovka D. G. To the Monastery in Peace. In Search of the Secular Roots of Modern Spirituality. St. Petersburg, 2020. In Russian.
- Kormina 2019 – Kormina Zh. V. Pilgrims: Ethnographic Essays of Orthodox Nomadism. Moscow, 2019. In Russian.

- Kremleva 2010 – Kremleva I. A. The Place of the Vow in the Worldview and Everyday Life of the Russian People. *Shrines and Holiness in the Life of the Russian People: An Ethnographic Study*. Ed. by O. V. Kirichenko. Moscow, 2010. Pp. 241–284. In Russian.
- Maizuls et al. 2022 – Maizuls M. R., Zotov S. O., Antonov D. I. Wax Legs and Iron Eyes: Votive Practices from the Middle Ages to the Present Day. Moscow, 2022. In Russian.
- Moroz 2014 – Moroz A. B. Veneration of the Grave of Ivan Yakovlevich Koreisha in Moscow. *Zhivaya Starina*. 2014. 1. Pp. 9–12. In Russian.
- Moroz 2017 – Moroz A. B. Folk Hagiography: Oral and Book Foundations of the Folklore Cult of Saints. Moscow, 2017. In Russian.
- Moroz, Semivragova 2021 – Moroz A. B., Semivragova E. The Life-Giving Cross in the Village of Godenovo: Between Two Sacred Centers and Beyond. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2021. 39 (3). Pp. 7–43. In Russian.
- Panchenko 1998 – Panchenko A. A. Research in the Field of Folk Orthodoxy. Village Shrines of the North-West of Russia. Moscow, 1998. In Russian.
- Shchepanskaya 1995 – Shchepanskaya T. B. Crisis Network (traditions of spiritual exploration of space). *Russian North: On the Problem of Local Groups*. St. Petersburg, 1995. Pp. 110–176. In Russian.
- Tsekhanskaya 2013 – Tsekhanskaya K. V. Veneration of Orthodox Shrines in Russia. Moscow, 2013. In Russian.

#### Информация об авторе

Дмитрий Игоревич Антонов

доктор исторических наук, профессор

директор учебно-научного Центра визуальных исследований

Средневековья и Нового времени

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, 125047, Москва, Миусская площадь, 6

старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8081-4420>

e-mail: antonov-dmitriy@list.ru

#### Information about the author

Dmitriy I. Antonov

Dr. Sci. (Historical Sciences), Professor

Director of the Center for Visual Studies of the Medieval and Modern Culture

Russian State University for the Humanities

6, Miusskaya Square, Moscow, 125047, Russian Federation

Senior Researcher at the Centre for Theoretical Folklore Studies

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

1 Bldg., 82, Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8081-4420>

e-mail: antonov-dmitriy@list.ru

Материал поступил в редакцию / Received 14.04.2023

Принят к публикации / Accepted 23.05.2023